

Из всех людей, встречавшихся мне, лишь один произвел неизгладимое впечатление на меня. Все произошло очень давно, но я никак не могу этого забыть, и когда остаюсь один, перед глазами всегда возникает простое лицо Раифа-эфенди, его взгляд словно не от мира сего, лицо, на котором проскальзывало нечто вроде улыбки, когда он случайно встречался с кем-либо глазами. При этом его нельзя было назвать необычным человеком. Он скорее был одним из тех заурядных, ничем не примечательных людей, мимо которых мы, не замечая, проходим каждый день. Его жизнь не смогла бы никого заинтересовать — ни ее скрытые, ни ее видимые стороны. Встречая таких людей, мы часто задаемся вопросом: «Для чего они живут? Что находят они в жизни? Какая логика, какая тайная причина заставляет их ходить по земле и существовать?» Однако, когда мы так думаем о подобных людях, мы замечаем только внешнее и совсем не задумываемся о том, что и у них есть разум, и они так или иначе мыслят, и результат их мыслей — внутренний мир, у каждого человека свой. Не замечая проявлений этого скрытого

мира, мы часто полагаем, что они вовсе не живут духовной жизнью. Если бы мы проявили обычное любопытство, то, возможно, узнали бы что-то, о чем вовсе не подозревали, и столкнулись бы с таким духовным богатством, обнаружить которое совсем не ожидали. Однако люди почему-то предпочитают интересоваться только теми явлениями, о которых заранее все известно. Легче найти героя, который залез бы в колодец с драконом, чем найти того, кто осмелился бы спуститься в колодец, ничего не зная о том, что там его ждет. А то, что я все-таки близко узнал Раифа-эфенди, оказалось делом случая.

После того как я был уволен с маленькой должности в одном из банков (почему меня уволили, я так и не узнал: мне сказали, что просто сокращение, но через неделю на мое место взяли другого человека), я долго искал работу в Анкаре. Некоторое количество денег позволило мне безбедно прожить летние месяцы, но приближавшаяся зима вынуждала смириться с тем, что пришел конец отдыху на тахте в гостях у друзей. У меня не осталось денег даже на то, чтобы продлить карточку на питание, которая через неделю должна была закончиться. Я вновь и вновь расстраивался, когда мои многочисленные попытки устроиться на работу, которые, как я полагал, ничем не закончатся, на самом деле заканчивались ничем. Не получая никаких ответов от знакомых, которых я просил помочь с работой,

но получая отказы из магазинов, куда я просился в продавцы, в отчаянии я бродил по городу до полуночи. Кое-кто из друзей иногда приглашал меня выпить, но даже это не позволяло мне забыть о моем отчаянном положении. Самое странное: по мере того как у меня прибавлялось трудностей и мое материальное положение ухудшалось так, что невозможно было дожить до завтра, моя застенчивость и стыдливость усиливались. Встречая на улице знакомых, к которым я раньше обращался за помощью, от кого я не видел ничего дурного, я опускал голову и быстро проходил мимо. Изменилось и мое отношение к приятелям, которых я раньше без смущения просил угостить меня, и у которых прежде, не стесняясь, одалживал деньги. Если меня спрашивали: «Как дела?», я, смущенно улыбаясь, отвечал: «Ничего... Перебиваюсь временной работой!» — и сразу сбежал. Насколько я нуждался в людях, настолько же возрастало и мое желание избегать их.

Однажды, под вечер, я медленно брел по пустынной улице между Выставочным центром и вокзалом; глубоко вдыхая необыкновенную анкарскую осень, я хотел настроиться на оптимистический лад. Солнце, отражавшееся от стекол Народного дома¹

---

¹ *Народные дома* — культурные заведения, призванные проводить в жизнь культурную политику Ататюрка, аналог Домов культуры советского времени. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

и забрызгавшее здание из белого мрамора пятнами цвета крови, непонятный туман — то ли пар, то ли пыль, — поднимавшийся над молодыми соснами и акациями, молчаливые и сутулые рабочие в рваных робах, возвращавшиеся с какой-то стройки, асфальт, на котором тут и там виднелись следы мокрых автомобильных шин... Все вокруг, казалось, было довольно своим существованием. Хотелось принимать всё как есть, да мне и не оставалось ничего иного. И вдруг мимо меня проехал автомобиль. Я обернулся, лицо за стеклом показалось мне знакомым. А машина, проехав еще несколько метров, остановилась, дверь открылась, из машины высунул голову мой школьный приятель Хамди и окликнул меня.

Я подошел.

— Куда ты идешь? — спросил он.

— Никуда, просто гуляю!

— Поедем ко мне!

Не дожидаясь моего ответа, Хамди подвинулся. По дороге он рассказал, что возвращается домой после осмотра нескольких фабрик, принадлежавших фирме, где он работал.

— Я уже дал домой телеграмму, что скоро приеду. Должно быть, там уже все готово. Иначе я не решился бы тебя пригласить! — добавил он.

Я улыбнулся.

Раньше с Хамди мы часто встречались, но не виделись с тех пор, как я уволился из банка. Я знал,

что он работает заместителем директора в какой-то фирме, занимавшейся перепродажей машин, а также производством строевого леса и пиломатериалов, и неплохо зарабатывает. Став безработным, я именно поэтому не обращался к нему: стеснялся, что он решит, будто мне нужна не работа, а деньги.

— Ты все еще в банке? — спросил он.

— Нет, я ушел оттуда, — ответил я.

Он удивился:

— И где же ты работаешь?

— Нигде, — нехотя проговорил я.

Он пристально посмотрел на меня, на то, как я одет, но, должно быть, не пожалел, что пригласил меня в гости, улыбнулся, и, дружески похлопав меня по плечу, сказал:

— Не расстраивайся, сегодня вечером что-нибудь придумаем!

Он выглядел уверенным в себе и довольным жизнью. Значит, он мог позволить себе роскошь делать широкие жесты, помогая знакомым. Я позабывал ему.

Он жил в маленьком, но симпатичном доме. У него была некрасивая, но приятная жена. Они поцеловались, не стесняясь меня. Хамди, оставив меня, пошел умыться.

Он не представил меня жене, и я в растерянности стоял посреди гостиной. А она стояла у двери, незаметно меня разглядывала и какое-то время,

видимо, раздумывала. Затем ей, видимо, пришло в голову предложить мне сесть. Но потом она, скорее всего, решила, что в этом нет необходимости, и потихоньку ушла.

Я задумался, почему Хамди, которого никогда нельзя было назвать небрежным, уделявший много внимания правилам этикета и своим жизненным благополучием отчасти обязанный этой привычке, бросил меня одного. Проявление этой, пожалуй, осознанной небрежности по отношению к своим старинным приятелям, в чем-либо уступающим им, становится одной из главных привычек тех, кто добился важного положения в жизни. Внезапно они начинают вести себя с окружающими по-простому и небрежно, до такой степени, что обращаются на «ты» к тем, кого они прежде называли на «вы». Они перебивают своего собеседника на полуслове, спрашивая о какой-нибудь мелочи, и считают вполне естественным проделывать это из раза в раз с жалостливой и лжемилосердной улыбкой. Я столько раз сталкивался со всем этим в последнее время, что мне даже не пришло в голову рассердиться и обидеться на Хамди. Я решил встать и незаметно уйти, таким образом выйдя из этого затруднительного положения. Но в этот момент пожилая, провинциального вида женщина с покрытой головой, в белом переднике и заштопанных черных чулках молча принесла кофе. Я присел на одно из голубых

кресел, расшитых золотыми и серебряными цветами, и огляделся. На стенах были фотографии семьи и портреты артистов, в стороне висела книжная полочка, должно быть, принадлежавшая хозяйке дома, на которой лежали журналы мод и пара-тройка дешевых романов. Несколько альбомов по истории живописи, аккуратно расставленных под сигарным столиком, были порядком истрепаны — видимо, гостями. Не зная, что делать, я взял один из них, но не успел его раскрыть, как в дверях показался Хамди. Одной рукой он расчесывал влажные волосы, а другой застегивал пуговицы на рукавах белой рубашки европейского покроя с расстегнутым воротником.

— Ну, как ты, рассказывай! — спросил он.

— Да никак. Я уже все рассказал, — ответил я.

Казалось, он был доволен, что встретил меня.

Возможно, потому, что радовался возможности продемонстрировать мне то, чего достиг, или же тешил себя тем, что не оказался в таком положении, как я. Нам свойственно испытывать облегчение, узнав, что людей, когда-то шагавших с нами по жизни, постигли несчастья или что они переживают трудности, словно эти несчастья и трудности миновали нас самих, и мы всегда проявляем милосердие и сострадание к этим несчастным, будто они навлекли на себя беды, которые предназначались нам. Хамди, кажется, испытывал ко мне подобные чувства.

— Пишешь что-нибудь? — поинтересовался он.

— Иногда... Так, стихи, рассказы, — улыбнулся я.

— Ну и как, помогает?

Я снова улыбнулся.

— Брось ты это! — сказал он и пустился в рассуждения о том, сколь успешна жизнь человека, у которого есть серьезная профессия, и о том, что такие бесполезные вещи, как литература, после школьной скамьи не приносят ничего, кроме вреда. Ему даже не приходило в голову, что с ним можно поспорить и ему можно возразить. Он говорил с таким видом, словно читал нравоучение ребенку и совершенно не стеснялся демонстрировать, что этой смелости он набрался именно из-за успехов в жизни. Я удивленно смотрел на него с глупой, как мне казалось, улыбкой на лице, и всем своим видом, наверное, придавал ему еще больше смелости.

— Приходи ко мне в контору завтра утром, — сказал он. — Посмотрим, что-нибудь придумаем. Парень ты способный. Правда, не очень-то трудолюбивый, но это не страшно. Жизнь и нужда — хорошие учителя. Завтра приходи, разыщи меня! Не забудь!

Говоря все это, Хамди, видимо, напрочь забыл, что сам некогда был одним из первых лентяев в школе. И был уверен, что я не решусь напомнить ему об этом.

Он сделал движение, словно собирается встать. Я вскочил и протянул ему руку:

— С твоего разрешения... Позволь удалиться...

— Еще так рано, дорогой мой! Но... как знаешь!

Я забыл, что он позвал меня на обед, но сейчас внезапно вспомнил об этом. Весь его вид свидетельствовал о том, будто он совершенно забыл, что пригласил меня. Я прошел к двери и взял шляпу:

— Мое почтение госпоже!

— Конечно, конечно! А ты завтра ко мне зайди!

Не расстраивайся! — ободрял он, хлопая меня по спине.

Когда я вышел на улицу, уже стемнело, и зажглись фонари. Я глубоко вздохнул. Даже смешанный с пылью воздух показался мне невероятно чистым и освежающим. Я медленно побрел домой.

На следующий день, ближе к полудню, я направился в фирму, где работал Хамди. Между тем вчера, выходя из его дома, я вовсе не собирался этого делать. Он, в общем-то, ничего определенного мне не обещал. Проводил меня ни к чему не обязывающими словами: «Посмотрим, что-нибудь придумаем, что-нибудь сделаем!» — словами, которые я привык уже слышать от других благодетелей. Несмотря на это, я все же пошел. Помимо надежды, во мне почему-то зрело желание почувствовать себя униженным. Я будто хотел сказать себе: «Ты молча

его слушал вчера вечером, позволяя ему обращаться с тобой как благодетелю. Так надо довести это до конца, ты это заслужил!»

Секретарша проводила меня в маленькую комнату и попросила подождать. Когда я вошел в кабинет Хамди, то опять почувствовал, что глупо улыбаюсь, как вчера, и еще больше разозлился на себя.

Хамди разбирал бумаги, разложенные перед ним, и одновременно разговаривал с сотрудниками, которые то и дело входили и выходили. Он указал мне головой на стул и продолжил заниматься своими делами. Не осмеливаясь пожать ему руку, я сел. Сейчас, перед ним, я действительно был смущен, словно он был моим начальником или благодетелем, и признавал, что достоин такого унижительного обращения. Какая огромная пропасть чуть больше чем за двенадцать часов разделила меня и моего одноклассника, еще вчера вечером усадившего меня к себе в автомобиль! До чего смешны, случайны и пусты правила, определяющие отношения между людьми, как мало общего у них с настоящими человеческими чувствами...

А ведь со вчерашнего дня ни я, ни Хамди не изменились. Какое бы положение мы ни занимали, мы оба были прежними. Однако мы кое-что узнали друг о друге — я о нем, а он обо мне, и именно эти маленькие незначительные подробности развели нас... Что самое странное, мы оба принимали эти

перемены как должное и считали естественными. Злился же я не на Хамди, не на себя, а на то, что все-таки пришел сюда.

Когда комната наконец обезлюдела, мой приятель поднял голову и сказал:

— Я нашел тебе работу.

Затем, дерзко и многозначительно посмотрев на меня, он добавил:

— То есть я придумал для тебя работу. Не слишком тяжелую. Будешь вести наши дела в некоторых банках и в особенности в нашем собственном. Будешь кем-то вроде ответственного по связям с банками. А в свободное время будешь сидеть в кабинете и заниматься своими делами. Стихов пиши — сколько хочешь. С директором я уже поговорил, оформим твое назначение. Платить много мы тебе сейчас не сможем: только сорок-пятьдесят лир. В дальнейшем, конечно, повысим. Ну все, давай! Удачи!

Не поднимаясь с кресла, он протянул мне руку. Я пожал ему руку и поблагодарил. На его лице было написано искреннее удовлетворение от того, что он сделал доброе дело. Я подумал, что он, в принципе, совсем неплохой человек и делает то, к чему его обязывает положение, и что, наверное, действительно так и надо. Однако, выйдя из кабинета, я какое-то время стоял в коридоре, раздумывая, идти мне в мой новый кабинет или же все бросить и уйти. Затем я медленно сделал несколько шагов, глядя перед со-